

ПОДНОШЕНИЕ К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВНЫ НИКОЛАЕВОЙ

75-летие Татьяны Михайловны Николаевой застало всех врасплох – так же как пять лет назад (*всего? уже?*) ее 70-летие.

Мы трактуем видимые нами изменения в окружающем мире и в самих себе как движение – *ход* или *бег* – в р е м е н и. В реальности это изменения пространственные, отражающие движение земли. Но для нас движется именно время, а движение содержит в себе идею темпа и, соответственно, возможности его ускорения или замедления. Далее естественным образом следует метафорическая персонификация (антропоморфизация) времени – и его портрет в архетипической модели мира готов. Итак:

время *стоит, (не) движется, тянется, течет, идет (приходит, уходит), бежит, спешит, мчится, несется, подгоняет, обгоняет, меняется* и т.п.

мы *отстаем от времени, замедляем время, идем в ногу со временем, спешим за временем, обгоняем, опережаем, торопим время* и т.п.

Но мы-то знаем, что время бесстрастно отсчитывается по метроному, и все эти характеристики – не более чем метафоры.

Если только не включать *argumentum ad hominem*, потому что каждый человек распоряжается отпущенным ему временем по-своему.

Меня всегда поражало в Татьяне Михайловне то, сколько она успевает сделать – так и хочется сказать “в единицу времени” – и насколько ее жизненный темп независим от внешних обстоятельств. Возникает ощущение, что в каждом ее дне временных единиц гораздо больше, чем у нас всех вместе взятых, а ее индивидуальное время характеризуется опережением. И основу этого я вижу прежде всего в том, что Татьяна Михайловна – великий труженик и человек долга. Одаренная самыми разными талантами, она относится к своим дарам со святой ответственностью, поскольку отдала их на службу науке. Наука это служение оценила.

К гелертерству принято относиться со снисходительной усмешкой, хотя это представляется оправданным только тогда, когда речь идет об “ученой начитанности” и “ученом начетничестве”. Следующий шаг в критике гелертерства – облегчающее жизнь утверждение, что читать “всю” литературу вопроса необязательно, поскольку свои мысли важнее. Я очень высоко ценю гелертерство Татьяны Михайловны: она начинает п и с а т ь работу не в тот момент, когда к ней приходят озарение: в момент озарения она начинает ч и т а т ь, причем чтение идет воронкообразно, втягивая все более широкие, на первый взгляд слишком широкие, перспективы – но это только на первый взгляд. Когда Татьяна Михайловна говорит “я прочла по этой теме всю литературу” – это, можно сказать, “более, чем так”, и поэтому ее работы, помимо всего прочего, являющиеся образцовым руководством по каждой избранной ею теме, будь то экспериментальная фонетика или “Слово о полку Игореве”.

Филологические таланты, сопряженные с высокой научной добросовестностью – уже этого достаточно для объяснения признанных достижений Т.М. Николаевой, автора более четырехсот статей и монографий, инициатора и руководителя важных научных проектов, организатора науки. Но недостаточно для объяснения “феномена Татьяны Михайловны Николаевой”, уверенно выбравшей в науке и в жизни свой путь: путь *беззаконной кометы в кругу расчисленного светил*.

Может быть, самый важный дар, которым судьба наградила Татьяну Михайловну, – это дар радости жизни и благодарности жизни. Татьяне Михайловне все интересно, и от всего она

получает творческое удовольствие – будь то науки, литература, искусство, освоение компьютера, интернет, разные временные эпохи (время “насквозь”), мода, кулинария... Она – благодарный слушатель всего “интересного” – потому что ей интересно все. Но это не всеядность, поскольку все впечатления в конце концов преобразуются в мысли о впечатлениях – идеи – научные выводы.

В свое время я анализировала “Разговоры” Леонида Липавского, философа, принадлежащего к кругу бэриутов-чинарей. “Разговоры” начинаются с ответа их участников на вопрос “что вас интересует”. Далее идут громадные списки совершенно неожиданных и несопоставимых предметов. Эти списки приводили меня в затруднение – они не поддавались никакой логической классификации, например: “Время. Превращение и уничтожение пространства. Невысказанное и непредметное существование (например запах, тепло, погода)... Сон и видение себя во сне. Сияние, прозрачность, туман... Гамма, спектр. Описи, энциклопедии... Связь сознания с пространством и личностью. О чем думает вагонновожатый во время работы... Совпадения в жизни... Знаки. Буквы. Шрифты и почерки... Юмор. Глупость. Чудо... Одежда мужская и женская. Человеческие взаимоотношения. Хороший тон... Различные знания, неизвестные науке...” и т. д. и т. п.

Но сейчас я думаю, что есть человек, который оценил бы эти интересы – и органично присоединился бы к ним: это Татьяна Михайловна Николаева.

Как бы то ни было, но все вышеперечисленное относится все-таки к интеллектуальной сфере, пусть и с яркой эмоциональной окраской. Основное же в натуре Татьяны Михайловны – ее неподдельно живой интерес к людям и постоянное, активное желание им помочь, побудить к деятельности. Всем нам, *секторским* (теперь – *отдельским*) случалось испытывать на себе *грозу в начале мая*, которая у Татьяны Михайловны быстро сменялась “разрядкой” – доброжелательностью и смехом. Не всегда легко согласиться с тем, что “добро должно быть с кулаками”. Но всегда подкупает, что это – *добро*, и что наша “мать-командирша” все силы кладет на своих не всегда покладистых сотрудников, что на ней держатся традиции сектора структурной типологии, его настоящее и будущее.

Пять лет промчались вихрем. Что можно добавить к статье В.Н. Топорова “Член-корреспондент РАН Татьяна Михайловна Николаева (К 70-летию со дня рождения)” (Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2004, т. 63, № 1), где научный путь Татьяны Михайловны получил самую глубокую оценку (с учетом перспектив)?

Как оказывается, немало. Деятельность Татьяны Михайловны набирает обороты. В Отделе типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения ею организованы новые научные центры, проходят доклады и конференции, по традиции на самые разные и неожиданные темы. Журнал “Вопросы языкознания” под руководством Татьяны Михайловны Николаевой завоевал новые позиции в научном мире. По свидетельству участников, каждая редколлегия – это самостоятельное научное заседание.

В наше время жанр рецензий, к сожалению, во многом утратил популярность. Но отчасти это компенсируется откликами в Интернете. Ценность их, как мне кажется, состоит в том, что это мгновенная и неангажированная реакция – прежде всего, молодежи. При некоторой наивности или излишней самоуверенности (но это с точки зрения нашего поколения) эти отклики – точный барометр сегодняшней погоды в научном мире.

14 сентября 2007 г. Институт лингвистики, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского, РГУ и Издательство “Языки славянских культур” провели “круглый стол” “Коммуникация человека и животных. Взгляд лингвиста и биолога”. Доклад Т.М. Николаевой «Теории “параллельного фактора” в гипотезах о происхождении языка» вызвал, пожалуй, самую заинтересованную реакцию в Интернете. Собственно, это касается и многих других работ (а иногда и афоризмов) Татьяны Михайловны. Так что с удовлетворением можно сказать, что в классическом сюжете “отцы и дети” не всегда *дети* занимаются богоборчеством (и в этом смысле *отцы* бывают к ним несправедливы).

По правде говоря, я считаю, что лучшим подношением Татьяне Михайловне была бы статья, посвященная ее только что вышедшей книге «Непарадигматическая лингвистика (История “блуждающих частиц”» (М., 2008). К сожалению, я недостаточно компетентна, чтобы сделать это здесь и сейчас: эту книгу надо подробно изучать, вникая в более чем сложный и многообразный материал и осваивая предложенную автором новую теорию.

Встретить 75-летие такой книгой – такому можно откровенно позавидовать. Мне кажется, главное в ней – смелость и неожиданность. Конечно, можно говорить, что Татьяна Михайловна шла к книге десятилетиями, что это итог ее занятий и частицами, и экспериментальной фонетикой, и структурой текста, – и все это в книге отпечаталось; этапы работы Татьяна Ми-

хайловна отметила двумя точками, началом и концом, связав их со своими учителями, которые – так случилось в ее и нашей общесекторской биографии – были ненамного старше нас. Отправным толчком своей многолетней работы Татьяна Михайловна называет статью Вяч.Вс. Иванова о крито-микенской акцентуации (1979 г.). А в 2004 г. В.Н. Топоров напутствовал эту книгу, полностью поддержав план исследования.

Итак, повторю. Книга представляет собой результат многолетнего труда, подытоживающий накопленные данные, поддержанные практически исчерпывающим научным досье (кропотливо и тщательно, как всегда, собранным Татьяной Михайловной). Теоретическая часть иллюстрируется самыми разнообразными языковыми примерами. Далее теория эксплицируется на славянском материале. Все это требует вдумчивого освоения – книга предназначена для “медленного чтения”. Здесь будет много и *почему?*, и *а есть еще...* и под. И это естественно для серьезного подхода к серьезному труду.

Но для меня (с самого первого взгляда) наибольшая ценность книги есть и будет заключена в прорыве к совершенно новому взгляду и новому уровню анализа.

“Эта книга – попытка рассказать о никем ранее не описанном пласте языка” (с. 7), эта книга – о языковых единицах, которые автор назвал *партикулами*. Но книга также, а может быть, и прежде всего – о философии мышления и специально – лингвистического мышления, т.е. книга о науке о языке. К этому, собственно, и относится предлагаемый термин “непарадигматическая лингвистика” как некая дополнительная система лингвистического метаописания (с. 46). Эта “неопределенность определения”, помещение “непарадигматической лингвистики” в пространство между синтаксисом и морфологией, вывод партикул за пределы таксономии, отказ от их этимологизирования создает принципиально иные возможности для описания языка. Вводится своего рода “система возможностей”, изначально заложенная в языке как таковом. Где и как эти возможности реализуются, что остается невостребованным – в этом и заключается таинственный механизм возникновения и существования языка. В “Приложении № 5” приводится созданный компьютерной программой список комбинаций и перестановок из десяти русских партикул. Особенно интересно изучать то, по какому принципу язык выбирает из возможного числа партикулярных кластеров реализованные единицы (с. 356–359). Этот произвольный выбор вызывает ассоциации с авангардистскими экспериментами над языком: так, Мандельштам в статье “Заметки о поэзии” (1923) говорил о том, что Хлебников намечил исторически небывший путь российской речевой судьбы, осуществленный только в нем самом.

Уход от детерминированности, плоского прагматизма “нормальной науки”, втискивания языка в системы, где ничего не может быть в индетерминированном остатке, выражен решительно и бескомпромиссно и в высшей степени суггестивно. “Язык во многом оказывается сложнее, чем это представляется языкознанию”, – восклицает автор. Но как убедить в этом языковедов? – спрошу я и призыву это наше племя обратиться к книге и идеям Татьяны Михайловны Николаевой.

Vale, дорогой юбиляр, *particula tua te salutant!*

© 2008 г. Т.Ц.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала “Славяноведение” присоединяются к поздравлению и желают Татьяне Михайловне здоровья и творческих успехов.

Славяноведение, № 5

К ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ ГЕННАДИЕВНЫ СМОЛЪЯНИНОВОЙ

7 декабря 2007 г. отметила свой юбилей старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, канд. филол. наук, известный специалист в области исследования болгарской литературы Марина Геннадиевна Смольянинова.

Можно утверждать, что вся жизнь Марины Геннадиевны так или иначе связана с Академией наук. Ее отец, Смольянинов Геннадий Алексеевич, был старшим научным сотрудником Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, мать – Милица Павлиновна